

A classical oil painting of Catherine II of Russia. She is depicted from the chest up, wearing a dark, high-collared dress with a large brooch at the neck. Her hair is styled in an elaborate updo with a tiara or crown. She has a serene expression and is looking slightly to the right. The background is dark and indistinct.

Екатерина II

*Собственноручные записки
императрицы*

История в лицах (Издательский Дом Союз)

Екатерина II Великая

**Собственноручные записки
императрицы Екатерины II**

«СОЮЗ»

1796

Екатерина II Великая

Собственноручные записки императрицы Екатерины II /
Екатерина II Великая — «СОЮЗ», 1796 — (История в лицах
(Издательский Дом Союз))

ISBN 978-5-60-554538-5

Екатерина II работала над своими автобиографическими записками на протяжении нескольких десятилетий. Они должны были увековечить образ императрицы в памяти потомков, но к сожалению скоропостижная смерть не позволила Екатерине в полной мере осуществить задуманное. Долгое время «Собственноручные записки» по распоряжению сына Екатерины II – Павла хранились под грифом «Особой секретности». И лишь в 1859 году в Лондоне Герцен опубликовал часть мемуаров. В 1907 году «Записки» были изданы на языке оригинала (французском) в том же году издательство А. С. Суворина выпустило их русский перевод.

ISBN 978-5-60-554538-5

© Екатерина II Великая, 1796

© СОЮЗ, 1796

Содержание

[Первая часть]	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Екатерина II

Собственноручные записки

императрицы Екатерины II

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

[Первая часть]

Счастье не так слепо, как его себе представляют. Часто оно бывает следствием длинного ряда мер, верных и точных, не замеченных толпою и предшествующих событию. А в особенности счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств, характера и личного поведения. Чтобы сделать это более осязательным, я построю следующий силлогизм:

Качества и характер будут большей посылкой;

Поведение – меньшей;

Счастье или несчастье – заключением.

Вот два разительных примера:

Екатерина II,

Пётр III.

* * *

Мать Петра III, дочь Петра I, скончалась приблизительно месяца через два после того, как произвела его на свет, от чахотки, в маленьком городке Киле, в Голштинии, с горя, что ей пришлось там жить, да еще в таком неудачном замужестве. Карл-Фридрих, герцог Голштинский, племянник Карла XII, короля Шведского, отец Петра III, был принц слабый, неказистый, малорослый, хилый и бедный (смотри «Дневник» Берггольца в «Магазине» Бюшинга) [*Имеется в виду дневник голштинского дворянина Фридриха Вильгельма Берхгольца (1699–1765), который он вел во время своей службы в России в 1721–1725 гг. В 1785–1788 гг. дневник Берхгольца был с сокращениями опубликован в «Журнале о новой истории и географии» («Magazin für die neue Historie und Geographie»), издававшимся известным немецким теологом, географом и педагогом Антоном Фридрихом Бюшингом (1724–1793). – Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примеч. ред.*]. Он умер в 1739 году и оставил сына, которому было около одиннадцати лет, под опекой своего двоюродного брата Адольфа-Фридриха, епископа Любекского, герцога Голштинского, впоследствии короля Шведского, избранного на основании предварительных статей мира в Або по предложению императрицы Елизаветы. Во главе воспитателей Петра III стоял обер-гофмаршал его двора Брюммер, швед родом; ему подчинены были обер-камергер Бергголец, автор вышеприведенного дневника, и четыре камергера; из них двое – Адлерфельдт, автор «Истории Карла XII», и Вахтмейстер, были шведы, а двое других, Вольф и Мардефельд, голштинцы. Этого принца воспитывали в виду шведского престола при дворе, слишком большом для страны, в которой он находился, и разделенном на несколько партий, горевших взаимной ненавистью; из них каждая хотела овладеть умом принца, которого она должна была воспитать, и, следовательно, вселяла в него отвращение, которое все партии взаимно питали по отношению к своим противникам. Молодой принц от всего сердца ненавидел Брюммера, внушавшего ему страх, и обвинял его в чрезмерной строгости. Он презирал Берггольца, который был другом и угодником Брюммера, и не любил никого из своих приближенных, потому что они его стесняли.

С десятилетнего возраста Пётр III обнаружил наклонность к пьянству. Его понуждали к чрезмерному представительству и не выпускали из виду ни днем, ни ночью. Кого он любил всего более в детстве и в первые годы своего пребывания в России, так это были два старых камердинера: один – Крамер, ливонец, другой – Румберг, швед. Последний был ему особенно дорог. Это был человек довольно грубый и жесткий, из драгунов Карла XII. Брюммер, а следовательно, и Бергголец, который на все смотрел лишь глазами Брюммера, были преданы принцу-опекуну и правителю; все остальные были недовольны этим принцем и еще более его

приближенными. Вступив на русский престол, императрица Елизавета послала в Голштинию камергера Корфа вызвать племянника, которого принц-правитель и отправил немедленно, в сопровождении обер-гофмаршала Брюммера, обер-камергера Бергхольца и камергера Дукера, приходившегося племянником первому.

Велика была радость императрицы по случаю его прибытия. Немного спустя она отправилась на коронацию в Москву. Она решила объявить этого принца своим наследником. Но прежде всего он должен был перейти в православную веру.

Враги обер-гофмаршала Брюммера, а именно – великий канцлер граф Бестужев и покойный граф Никита Панин, который долго был русским посланником в Швеции, утверждали, что имели в своих руках убедительные доказательства, будто Брюммер с тех пор, как увидел, что императрица решила объявить своего племянника [*предполагаемым*] наследником престола, приложил столько же старания испортить ум и сердце своего воспитанника, сколько заботился раньше сделать его достойным шведской короны. Но я всегда сомневалась в этой гнусности и думала, что воспитание Петра III оказалось неудачным по стечению несчастных обстоятельств. Передам, что я видела и слышала, и это разъяснит многое.

Я увидела Петра III в первый раз, когда ему было одиннадцать лет, в Эйтине у его опекуна, принца-епископа Любекского. Через несколько месяцев после кончины герцога Карла-Фридриха, его отца, принц-епископ собрал у себя в Эйтине в 1739 году всю семью, чтобы ввести в нее своего питомца. Моя бабушка, мать принца-епископа и моя мать приехали туда из Гамбурга со мною. Мне было тогда десять лет. Тут были еще принц Август и принцесса Анна, брат и сестра принца-опекуна и правителя Голштинии. Тогда-то я и слышала от этой собравшейся вместе семьи, что молодой герцог наклонен к пьянству и что его приближенные с трудом препятствовали ему напиваться за столом, что он был упрям и вспыльчив, что он не любил окружающих и особенно Брюммера, что, впрочем, он выказывал живость, но был слабого и хилого сложения. Действительно, цвет лица у него был бледен и он казался тощим и слабого телосложения. Приближенные хотели выставить этого ребенка взрослым и с этой целью стесняли и держали его в принуждении, которое должно было вселить в нем фальшь, начиная с манеры держаться и кончая характером.

Как только прибыл в Россию голштинский двор, за ним последовало и шведское посольство, чтобы просить у императрицы ее племянника для наследования шведского престола; но Елизавета, уже объявившая свои намерения, как выше сказано, в предварительных статьях мира в Або, ответила шведскому сейму, что она объявила своего племянника наследником русского престола и что она держалась предварительных статей мира в Або, который назначал Швеции предполагаемым наследником короны принца-правителя Голштинии. (Этот принц имел брата, с которым императрица Елизавета была помолвлена после смерти Петра I [*Карл Август Голштейн-Готторпский (1706–1727)*]. Этот брак не состоялся, потому что принц умер от оспы через несколько недель после обручения; императрица Елизавета сохранила о нем очень трогательное воспоминание и давала тому доказательства всей семье этого принца.)

Наконец мы приехали в Петербург, где нас поместили в одном из кавалерских придворных домов. Так как дворец не был тогда еще достаточно велик, чтобы там даже великий князь мог помещаться, то ему был отведен также дом, находившийся между дворцом и нашим домом. Мои комнаты были налево от лестницы, комнаты матери – направо; как только мать увидела это устройство, она рассердилась, во-первых, потому, что ей показалось, что мое помещение было лучше расположено, нежели ее, во-вторых, что ее комнаты отделялись от моих общей залой; на самом же деле у каждой из нас было по четыре комнаты: две на улицу, две во двор дома; таким образом, комнаты были одинаковые, обтянутые голубой и красной материей, безо всякой разницы; но вот что еще больше способствовало ее гневу. Графиня Румянцева еще в Москве принесла мне план этого дома, по приказанию императрицы запрещая мне от ее имени говорить об этой присылке, советуясь со мной, как нас поместить. Выбирать было нечего, так

как оба помещения были одинаковы. Я сказала это графине, которая дала мне понять, что императрица предпочитает, чтобы у меня было отдельное помещение, вместо того чтобы жить, как в Москве, в общем помещении с матерью. Такое устройство нравилось мне тоже, потому что я была стеснена у матери в комнатах и что буквально интимный кружок, который она себе образовала, нравился мне тем менее, что мне было ясно как день, что эта компания никому не была по душе. Мать проведала о плане, показанном мне, она стала мне о нем говорить, и я сказала ей сущую правду, как было дело. Она стала бранить меня за то, что я держала это в секрете, я ей сказала, что мне запретили говорить, но она нашла, что это не причина, и вообще я с каждым днем видела, что она все больше сердится на меня и что она почти со всеми в ссоре, так что перестала появляться к столу за обедом и ужином и велела подавать к себе в комнаты.

Что меня касается, я ходила к ней три-четыре раза в день, остальное время употребляла, чтобы изучать русский язык, играть на клавесине да покупать себе книги, так что в пятнадцать лет я жила одиноко в моей комнате и была довольно прилежна для своего возраста.

Не знаю, по какому поводу, старший Чернышев сказал однажды великому князю, говоря обо мне: «Ведь она не моя невеста, а ваша». Эти слова насмешили великого князя, который мне это рассказал, и с той минуты Его Императорскому Высочеству угодно было называть меня «его невеста», а Андрея Чернышева, говоря о нем со мною, он называл «ваш жених». Андрей Чернышев, чтобы прекратить эти шутки, предложил Его Императорскому Высочеству после нашей свадьбы называть меня «матушка», а я стала называть его «сын», но так как между мной и великим князем постоянно шла речь об этом «сыне», ибо великий князь дорожил им как зеницей ока, и так как и я тоже очень любила его, то мои люди забеспокоились, одни из ревности, другие из страха за последствия, которые могут из этого выйти и для них, и для нас.

Приблизительно через неделю такой жизни я почувствовала сильный жар и голова была тяжелая; я поняла, что мне нужен отдых и диета. В течение суток я ничего не ела, пила только холодную воду и спала две ночи столько, сколько могла, после чего стала вести тот же образ жизни и чувствовала себя очень хорошо. Помню, что я читала тогда «Записки» Брантома [*То есть мемуары французского писателя Пьера де Бурдей Брантома (ок. 1540–1614) – военного деятеля, хрониста придворной жизни времен Екатерины Медичи*], которые меня очень забавляли; перед этим я прочла «Жизнь Генриха VI» Перефiksa [

Императрица оставалась большую часть масленой в Царском Селе. Петербург был почти пуст; большая часть оставшихся там лиц жили в Петербурге по обязанности, никто – по своей охоте. Все придворные, как только двор побывал в Москве и возвращался в Петербург, спешили брать отпуска на год, на шесть месяцев или хоть на несколько недель, чтобы остаться в Москве. Чиновники, например сенаторы и другие, делали то же самое и, когда боялись не получить отпуска, пускали в ход настоящие или притворные болезни мужей, жен, отцов, матерей, братьев, сестер или детей, или же процессы и другие деловые и неотложные хлопоты, словом, требовалось шесть месяцев, а иногда и более, прежде чем двор и город становились тем, чем были до отъезда двора, а в отсутствие двора петербургские улицы зарастали травой, потому что в городе почти не было карет. При таком положении вещей в настоящую минуту нельзя было рассчитывать на большое общество, особенно для нас, которых держали все взаперти.

Чоглоков вздумал в это время доставить нам развлечение, или, вернее, не зная, что делать самому и жене от скуки, он приглашал нас с великим князем ежедневно после обеда играть у него в покоях, которые он занимал при дворе и которые состояли из четырех-пяти довольно маленьких комнат. Он звал туда дежурных кавалеров и дам и принцессу Курляндскую, дочь герцога Эрнста Иоганна Бирона, прежнего фаворита императрицы Анны. Императрица Елизавета вернула этого герцога из Сибири, куда во время регентства принцессы Анны он был сослан; местом жительства ему назначили Ярославль, на Волге; там он и жил, с женой, двумя сыновьями и дочерью. Эта дочь не была ни красива, ни мила, ни стройна, ибо она была горбата и мала ростом, но у нее были красивые глаза, ум и необычайная способность к интриге; ее отец

и мать не очень ее любили; она уверяла, что они постоянно дурно с ней обращались. В один прекрасный день она бежала из родительского дома и укрылась у жены ярославского воеводы, Пушкиной. Эта женщина в восторге, что может придать себе значение при дворе, привезла ее в Москву, обратилась к Шуваловой и бегство принцессы Курляндской из родительского дома объяснила как следствие преследований, которые она терпела от родителей за то, что выразила желание перейти в православие. В самом деле, первое, что она сделала при дворе, было действительно ее исповедание веры; императрица была ее крестной матерью, после чего ей отвели помещение среди фрейлин.

Чоглоков особенно старался выказывать ей внимание, потому что старший брат принцессы положил основание его благополучию, взяв его из Кадетского корпуса, где он воспитывался, в кавалергарды, и держал его при себе для посылок. Принцесса Курляндская, втершаяся таким образом к нам и игравшая каждый день в триссет в течение нескольких часов с великим князем, с Чоглоковым и со мной, вела себя вначале с большой сдержанностью: она была вкрадчива, и ум ее заставлял забывать, что у нее было неприятного в наружности, особенно когда она сидела; она каждому говорила то, что могло ему нравиться. Все смотрели на нее как на интересную сироту, к ней относились как к особе почти без всякого значения. Она имела в глазах великого князя другое достоинство, которое было немаловажным: это была своего рода иностранная принцесса и тем более немка, следовательно, они говорили вместе только по-немецки. Это придавало ей прелести в его глазах; он начал оказывать ей столько внимания, сколько был способен; когда она обедала у себя, он посылал ей вина и некоторые любимые блюда со своего стола, и когда ему попадалась новая какая-нибудь гренадерская шапка или перевязь, он их посылал к ней, чтобы она посмотрела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.